

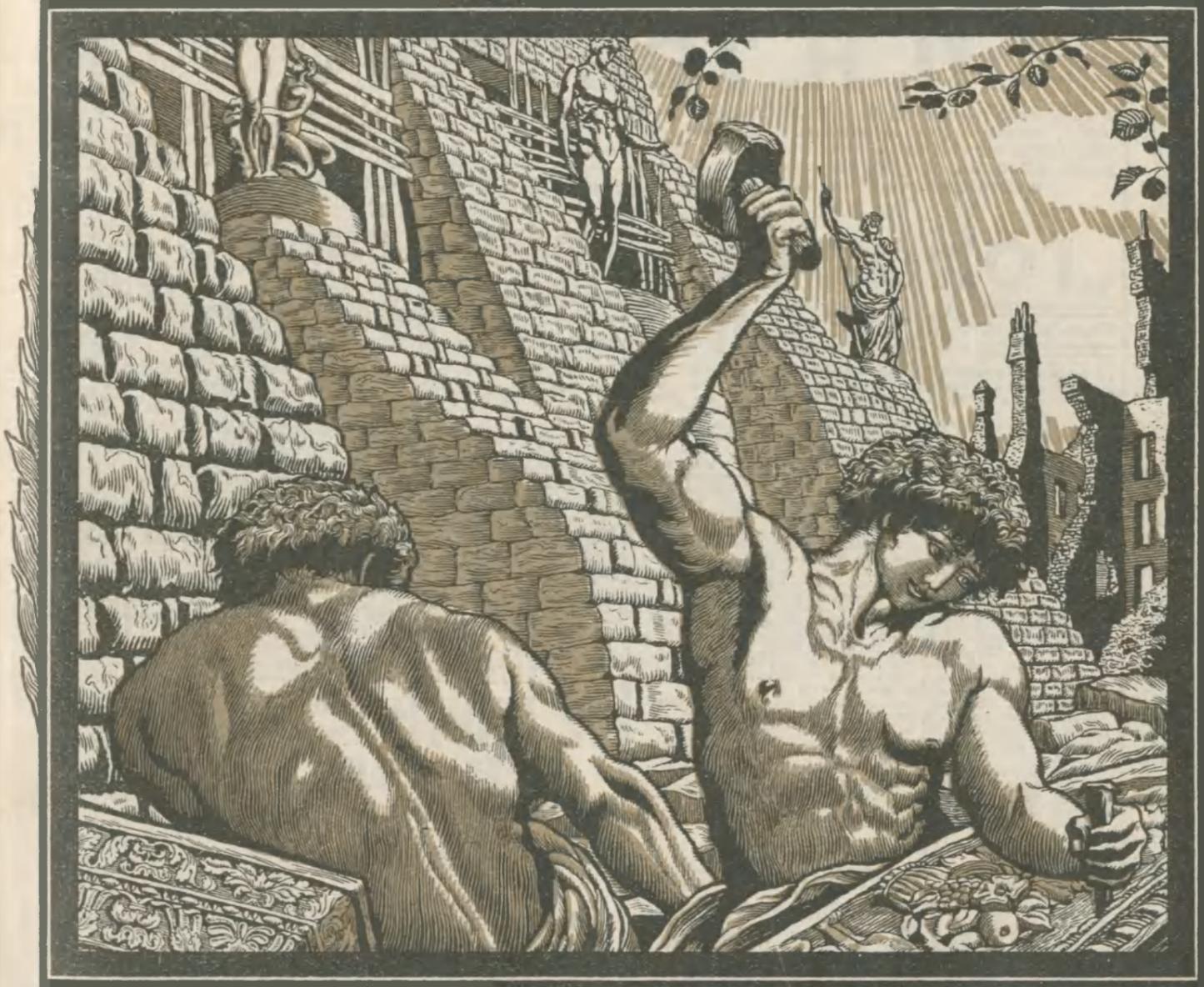
0255

Г О Л О С Ъ

Ж И З Н И

1915

№ 3

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
И ЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Цена № 12 коп

№ 15

М

на 12
за Г
Подп

Газет

Для
третя
къ 1-
газет

При

Наро.
запад
духов

подп
скій
Л. и

РОЗН
водит
Стои

Въ

М.

Въ

СОДЕРЖАНИЕ № 3.

Обо всемъ: „Жалко“, „Ковычки“.

Анастасія Чеботаревская. „Брюгге“ (статья).

Антонъ Крайній. „Скажите прямо!“ (статья).

Сергій Ауслендеръ. „Сонъ Флоренци“ (рассказъ).

С. Андреевскій. „Стихотворенія“.

Ю. Слонимская. „Капитошка стала антрепренеромъ“ (театральная быль).

А. Сумароковъ. „Большая неприятность въ трехъ томахъ“.

Объ искусствахъ и литературѣ. „Вѣсти и мнѣнія“. Д. Ф.

„Анри Бергсонъ и война“.

ХРОНИКА.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Н. И. Альтманъ. „Брюгге“. (3 оригин. рисунка). . . . . стр. 7 и 8

Н. Н. Рерихъ. Эскизы декораціи и костюмы для оперы „Принцесса Малень“ и „Сестра Беатриса“. (3 иллюстр.) . . . . . стр. 17, 18 и 19

Четыре вида Брюгге . . . . . стр. 1, 2 и 3

Заставки и концовки художниковъ: Н. Смирнова (стр. 4), Яннауеръ (стр. 5 и 13), С. Еремина (стр. 12), С. Чехонина (стр. 6 и 13), Гросса (стр. 16).

Военныя иллюстраціи: „Въ санитарномъ поѣздѣ“ (стр. 9), „Французскій военный обозъ“ (стр. 10-11), „Суэцки каналъ“ (стр. 12), „Реквизиція скота германцами“ (стр. 14), „Француженка раздаетъ подарки сипаямъ“ (стр. 15).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ И ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею Д. В. ФИЛОСОФОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора на мѣловой бумагѣ и его биографія. Обложка худ. Д. И. Митрохина. Изданіе начнется съ романа „Война и Миръ“, за которымъ послѣдуютъ ВСѢ остальные произведенія Л. Н. ТОЛСТОГО, и будетъ дано въ 1915 г. ввидѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ журналамъ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедѣльникъ, поставивши себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстраціи.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—такое основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонко-художественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блона, В. Бруссина, Б. Верхоустинскаго, З. Гиллпусъ, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Нарачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чалыгина, Ив. Шмелева, К. Эрбергъ и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиллуса, В. Ирещнаго, В. Каратыгина, проф. А. Нарташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайняго, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Вилибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и 82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к. допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го юня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

При подпискѣ необходимо точно указывать избранный журналъ и число книгъ.—Подписна адресуется въ Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и 2) Садовая, д. 20

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массою рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч.—ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІИ

52 №№ юмористич. ил. отъ „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (домовод), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная

КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 7 р. 50 к. допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и

50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ

Льва Ник. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб. допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Несмотря на ОБЩЕДОСТУПНОСТЬ цѣны, ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ изданъ ИЗЯЩНО, четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, въ красивой обложкѣ

Ввиду высокой ЦѢНОСТИ для культурнаго міра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО, будетъ обращено особенное вниманіе на ПЕЧАТЪ и ИЗЯЩЕСТВО ВНѢШНАГО ВИДА полнаго собранія его сочиненій.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

0055

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Петроградъ.

№ 3

14 января 1915 г.

Брюгге. Мостъ бегиннокъ.

О БО ВСЕМЪ,

Жалко.

Никого такъ не жалко сейчасъ, какъ современныхъ писателей-художниковъ, особенно—„знаменитыхъ“. Сейчасъ такое время, что воистину „не добро быть человѣку одному“. Каждый чувствуетъ, что одному тяжести жизни не осмыслить и не снести; каждый ищетъ, къ кому бы примкнуть, ищетъ совмѣстности. Дѣло-то ужъ очень общее... Сложное дѣло.

И вотъ, съ послѣдней ясностью обнаружилась трагедія нашихъ писателей-одиночекъ. Человѣческая безпомощность каждаго была раньше закрыта одеждами личной „славы“. Ему нажужжали сорокъ тысячъ литературныхъ курьеровъ, толкавшихъ въ передней: „Ты—царь! живи одинъ!“, онъ

такъ и повѣрилъ; такъ и жилъ одинъ, даже съ сосѣднимъ „паремъ“ не сообщаясь, ибо и тогъ долженъ былъ жить „одинъ“.

Но рушились царства подъ бурнымъ вѣтромъ жизни. Куда бѣжать „царю“, къ кому приткнуться, съ кѣмъ подъ одной крышей прютиться? Онъ не знаетъ, онъ къ этому не привыкъ. Всѣ души ему одинаково неизвѣстны: онъ былъ занятъ одной своей. Ни друзей, ни равныхъ нѣтъ; курьеры изъ передней разбѣжались; не гнаться же за ними, да и невмѣстно такому „царю“ фамиллярничать съ курьерами.

Одиночка-писатель мечется безъ разбора: примкнуть надо, а къ кому, не знаетъ—вѣдь онъ никого не знаетъ; разбираться не учился. Онъ и теперь не умѣетъ слушать, при-

Брюгге.

Брюгге.

слушиваться къ чужимъ голосамъ, и теперь все подходитъ съ тѣмъ-то своимъ, наскоро высосаннымъ изъ собственной души. Подходитъ—и отходитъ, опять ищетъ чего-то, безпорядочно мечась.

Между тѣмъ никому такъ не нужна простая, теплая человѣческая помощь, какъ нашимъ бѣднымъ „знаменитостямъ“, вчерашнимъ „властителямъ думъ“. Никого такъ не жалко, — пусть сами они виноваты, что не „создали себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ“. Никому такъ не хотѣлось бы протянуть руки...

Но помочь нельзя, пока нуждающийся въ помощи не созналъ своего положенія, своей одинокой и жалкой трагедіи, не понялъ, что теперь не до „властительствъ“ и кругомъ — не рабы, а все такіе же люди. Не время „самому одному“ глаголатъ, когда надо въ смиреніи, въ близкой совмѣстности съ равными, стараться уразумѣть глаголы Божьи.

Ковычки.

Журналъ „Отечество“ избралъ себѣ названіе „защитнаго“... смысла.

Въ нынѣшнія времена, когда всѣ привыкли къ опредѣлен-

ному складу словъ и повторяющихся фразъ, какъ-то даже неловко выговорить: „Отечество“ — малопатріотично, „Отечество“ занимается старыми сплетнями, „Отечество“ не уважаетъ правилъ этики, раскрывая публично чужіе псевдонимы. Естественно было бы написать такъ: „Нашъ знаменитый Л. Андреевъ защищаетъ отечество“, а приходится писать наоборотъ: „Наше „Отечество“ защищаетъ знаменитаго Л. Андреева“.

Даже большая буква тутъ не поможетъ. Одно спасеніе: ковычки. Это „Отечество“ въ ковычкахъ — некорректно, это оно погрязло въ лже-патріотизмѣ, оно защищаетъ писательскій безпорядочный шовинизмъ. Это именно оно такъ себя поставило, что существованіе его будетъ бессмыслицей, едва кончится война. Ему нѣтъ дѣла до отечества, до Россіи во всей ея ширинѣ, нѣтъ дѣла до ея души.

„Отечество“ распустилось.

Потому оно и занялось праздной защитой писательскихъ истерикъ, вмѣсто того чтобы и Л. Андрееву посовѣтовать исполнять свой долгъ, и самому его исполнять: защищать отечество — безъ ковычекъ.

ГЖ

Брюгге.

АНАСТАСІЯ ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

БРЮГГЕ.

„Города обладают индивидуальностью, самостоятельной душой, резко выраженным характером, согласующимся с радостью, новой любовью, отречением, вдовством. Городь — обособленная душа, и стоит прожить в нем немного, как влияние этой души коснется насъ, подобно электрическому току, вѣдряясь своими отгѣнками“.

Это опредѣленіе города поэтомъ Роденбахомъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ старинному городку Брюгге, такому типичному, съ такой характерной средневѣковой физиономіей. Когда-то Брюгге, — главный городъ бельгійской западной Фландріи, — гдѣ теперь происходятъ столь жестокие бои, — былъ крупнѣйшимъ торговымъ центромъ и справедливо заслужилъ, по своему положенію значительнѣйшаго морского порта, название „сѣверной Венеціи“. Выгодное приморское положеніе и обширная хлопчато-бумажная промышленность (фламандскія сукна) дали возможность Брюгге въ XIII и XIV вѣкахъ сыграть выдающуюся роль „мірового центра“ чю торговлѣ — главнымъ образомъ съ Англій; короли послѣдней даровали рядъ привилегій купцамъ Брюгге, именовавшимъ себя въ этотъ его блестящій періодъ лондонской, или фламандской, ганзой. Въ это время городъ Брюгге славился своимъ богатствомъ, роскошью своихъ празднествъ и шествій, устраивавшихся фламандскими графами и промышленными цехами. Значеніе Брюгге, какъ главнаго торговаго центра сѣверной Европы, сохранялось до XV вѣка, затѣмъ, въ связи съ открытіемъ Америки и новаго морского пути, обмелѣніемъ его гавани и усиливавшейся конкуренціей сосѣдняго Антверпена, значеніе это постепенно падало и за-

мирало. И хотя въ 1907 г. предприимчивый бельгійскій король Леопольдъ и открылъ снова каналъ, соединяющій Брюгге съ моремъ (вмѣсто обмелѣвшаго природнаго канала Цвина), все же прежняго торгово-промышленнаго значенія вернуть городу не удалось, и сейчасъ Брюгге интересуетъ насъ только какъ городъ-музей, содержащій въ себѣ множество очаровательныхъ памятниковъ старо-готической архитектуры и старинной фламандской и нидерландской живописи.

Быть можетъ, не случайная игра судьбы — то, что городамъ съ блестящимъ, шумнымъ прошлымъ зачастую суждено впоследствии влечить печальное, безмолвное существованіе, столь противоположное пышной порѣ ихъ расцвѣта. Какой-то таинственный, но мудрый законъ всемірнаго равновѣсія замѣнилъ въ свое время „пышный блескъ“ Рима, Аѳинъ, Венеціи, Флоренціи и другихъ городовъ — сокровищницъ искусства, властителей настоящаго, — тихою созерцательностью городовъ - музеевъ — кладбищъ прошлаго. И, кто знаетъ, не та же ли роковая участь подстерегаетъ уже и сейчасъ иные изъ міровыхъ культурныхъ центровъ?

Конечно судьба города, все перипетіи ея, тѣсно связаны съ его физиономіей, и тѣ, кому дано читать въ лицахъ, сумѣютъ прочесть и исторію души, все интимное, затаенное, пережитое въ этихъ зданіяхъ, линіяхъ, фасадахъ, колоритѣ воздуха, воды, построекъ, характеризующихъ собою ликъ города. И вотъ этотъ тихій католическій Брюгге, когда-то изумлявшій роскошью своихъ сооруженийъ и блескомъ нарядовъ своихъ горожанъ даже французскихъ королей (Филиппа Красиваго и его жену въ 1302 г.), теперь поражаетъ осе-

нимъ, полуграурнымъ колоритомъ своихъ всегда сѣрыхъ улицъ, блеклыхъ фасадовъ домовъ, безцвѣтной окраской безчисленныхъ каналовъ съ безшумно скользящими силуэтами лебедей, тусклымъ колоритомъ сѣвернаго неба и даже самаго воздуха, зависящимъ отъ постоянныхъ дождей и особаго свойства влажнаго климата, смягчающаго и распляющаго рѣзкость красокъ. Въ городѣ на каждомъ шагу безчисленные монастыри, высокія башни съ каменными клубками; на всѣхъ перекресткахъ въ нишахъ Мадонны, со свитками въ рукахъ, гласящія о непорочности, о дѣвственности; всюду безшумное мельканіе черныхъ сутанъ священнослужителей и бѣлыхъ чепцовъ монахинь; тишина, подчасъ гнетущая. О, недаромъ Роденбахъ поселилъ здѣсь, въ „мертвомъ“ Брюгге, своего вѣчнаго вдовца, съ его неизбывной тоскою по умершей возлюбленной! Безконечный монотонный перезвонъ заглушенныхъ колоколовъ—тоже безцвѣтный, тоже въ полутонкахъ. Забвеніе красоты тѣла, презрѣніе радостей жизни, культъ дѣвственности, отреченія, искупленія молитвой и послушничествомъ грѣховъ былого шума и роскоши...

Одною характерной особенностью Брюгге являются *беинажи*—учрежденія полумонастырскаго, полублаготворительнаго характера; члены ихъ—бегинки, благочестивыя вдовы и дѣвушки,—не давая монашескаго обѣта, занимаются молитвой, рукодѣліемъ, уходомъ за больными, помощью бѣднымъ; жизнь ихъ, въ живописныхъ домикахъ, среди садовъ и цвѣтовъ, оригинальна соединеніемъ простоты жизни и душевнаго мира съ мистикой и примитивной эстетикой. Природная склонность фламандцевъ къ созерцательности и мистицизму, ихъ любовь къ природѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ зоркость глаза и наблюденія отразились больше всего въ искусствѣ ихъ живописи, въ средніе вѣка и позже сыгравшей руководящую роль въ истории искусствъ. Достаточно назвать имена Рубенса, братьевъ Ванъ-Эйкъ, Бутса, Иорданса, Ванъ-Дейка и особенно—нѣжяйшаго примитивиста Мемлинга, чтобы напомнить объ огромной художественной мисси старобельгійскаго искусства. Въ больницѣ св. Іоанна, гдѣ находился на излеченіи знаменитый Мемлингъ, находятся его шедевры и прославленная рака св. Урсулы, похожая на

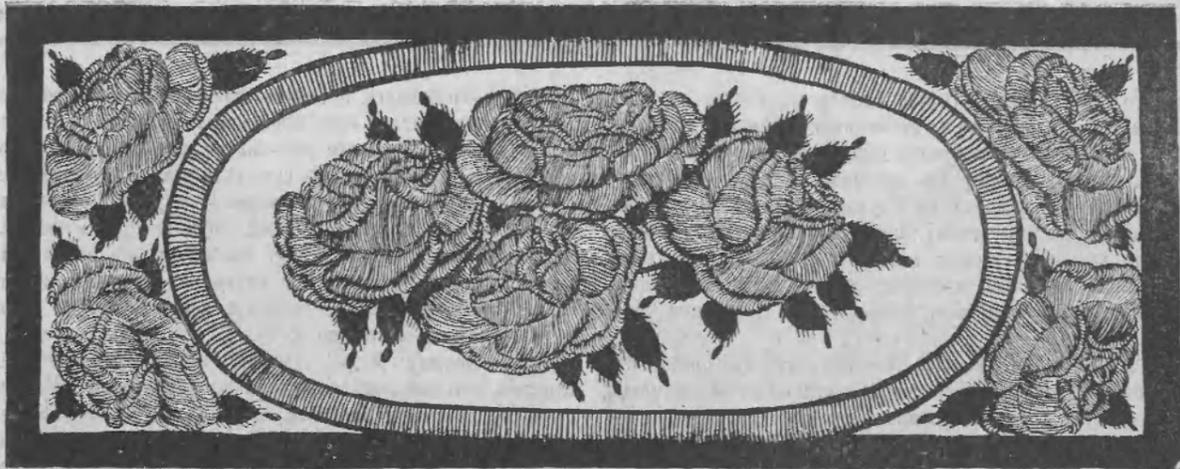
маленькую готическую часовню. Картины по бокамъ изображаютъ мученическое избиеніе солдатами одиннадцати тысячъ дѣвственницъ. Убицы—на берегу, къ которому подплываютъ св. Урсула и ея подруги. Разящія стрѣлы мучителей уже наведены, но дѣвственницы со спокойной и блаженной улыбкой идутъ навстрѣчу гибели—перевоплощенію, небесному разумнѣю мученичества. Ангелы-музыканты со скрипками и арфами нѣжяйшихъ тоновъ привѣтствуютъ эти небесныя жертвы—видѣнія художника гениальнаго и глубоко вѣрующаго! И таково все старо-фламандское искусство, проникнутое духомъ благоговѣнія и вѣрой въ божественное, одухотворенное мистическимъ упованіемъ и обѣтами!

Тотъ же религиозный подъемъ влечетъ насъ въ маленькую Іерусалимскую часовню, куда съ закатомъ солнца направляются вѣрующіе и любопытные. Подъ низкими сводами, въ глубинѣ часовни, воздвигнутой въ память ранъ Спасителя, находится изображеніе погребеннаго Христа, въ ростъ человѣка, мертвенно-блѣднаго, въ тонкомъ кружевѣ савана. Изъ другихъ достопримѣчательностей города свѣтскаго характера отмѣтимъ: рынокъ съ башней (выс. 107 м.) XIII в., реставрированное готическое зданіе ратуши XIV в., зданіе суда—бывшая резиденція графовъ фландрскихъ. Архитектурными памятниками старой Фландрии могутъ послужить также: древне-готическая церковь Богоматери, съ башней въ 135 м. высоты и надгробнымъ памятникомъ Карла Смѣлаго и его дочери; кафедральный соборъ св. Сальватора—старая готика съ живописью Вагъ-Оста, Ванъ-Гука, Квеллинга и Мемлинга; часовня Св. Крови, въ которую, по преданію, Дитрихъ Эльзасскій привезъ въ 1150 г. нѣсколько капель крови Господней.

Такъ, въ тишинѣ осенняго безмолвья, въ молитвахъ и думахъ о прошломъ, доживаетъ свой вѣкъ городъ Брюгге, бывший бловень судьбы, мертвый, или, вѣрнѣе, *умирающій* Брюгге, вдохновившій очарованіемъ своего поэтическаго увяданія бельгійскаго поэта Жоржа Роденбаха, художественно изобразившаго мечтательную прелесть этого города въ своемъ извѣстномъ романѣ „Мертвый Брюгге“.

Анастасія Чеботаревская.

Иванов

АНТОНЪ КРАЙНИЙ.

СКАЖИТЕ ПРЯМО!

Очень интересна послѣдняя, декабрьская, книжка „Русской Мысли“. Она стоитъ пространнаго обсуждения, но пока мы хотимъ отмѣтить, въ нѣсколькихъ строкахъ, самое примѣчательное. Это примѣчательное—собрание статей, лекцій, публичныхъ чтеній той группы нео-славянофиловъ (?), которую мы кратко привыкли называть группой „москвичей“. Ничего не опредѣляетъ это названіе, но тѣмъ оно и хорошо. По совѣсти, назвать „москвичей“ славянофилами нельзя, не вполне точно; національ-либералами—тоже; „славянофильствующими либерало-націоналистами“ скорѣе, но ужъ очень это длинно и въ концѣ концовъ смутно. Между тѣмъ, достаточно сказать „москвичи“ и назвать хоть одного изъ нихъ, любого,—тотчасъ понятно, о комъ идетъ рѣчь; и за первымъ именемъ—С. П. Булгакова, что ли,—встанутъ въ памяти другіе—Е. Трубецкой, Эрнъ, Вяч. Ивановъ, Рачинскій и т. д.—даже вспомнится кстати П. Струве, хоть онъ и не „москвичъ“.

Они—всѣ разные; если бы даже и не подчеркивали сами, что разные, никто бы въ этомъ не усомнился; однако внутренняя, не сразу опредѣлимая, связь ихъ, общность, такъ значительна, что разность порою отходитъ на второй планъ. У нихъ одинаковый стержень, и только нитки, наглухо обматывающія стержень, разныхъ цвѣтовъ.

Кромѣ того у однихъ больше нитокъ, не скоро доберешься до стержня, у другихъ онъ сквозитъ.

Статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, всѣ написаны на одну и ту же тему—о текущихъ событіяхъ. Авторы говорятъ разнымъ языкомъ, подходятъ къ событіямъ какъ будто съ разныхъ сторонъ. Разныя разматываются нитки. Голубья, розовья, золотья... шелковыя, бумажныя... И вдругъ мелькнетъ деревянная бѣлизна стержня, у всѣхъ одинаковая: и у неподвижно-трезваго Е. Трубецкого, и у хладнокровно-увлекающагося В. Эрнъ, и у старчески-стремительнаго, пылкаго

Рачинскаго, и у кудреватаго, ни предъ какими большими буквами не останавливающагося, Вячеслава Иванова, нашего „іеро-полтика“ (не я, а одинъ наивный поклонникъ недавно окрестилъ его такъ). Скажу больше: даже въ заключительной статьѣ П. Струве, написанной внушительно (онъ всегда внушительнъ, говорить ли объ экономикѣ, имперіализмѣ или „Святой Руси“),—та же подозрительная бѣлость мелькаетъ, хотя П. Струве держитъ палку за другой конецъ.

Что же такое этотъ стержень, эта палка, эта связь? Можетъ быть—религія? Всѣ они—люди религиозные, не естественно ли, что, и съ разныхъ сторонъ подходи къ событіямъ, они всѣ будутъ опѣивать ихъ съ религиозной точки зрѣнія? Да, это такъ; а все же сказать „религія“—сказать слишкомъ мало. И само слово черезчуръ общее, и палка длиннѣе. Она одна,—поэтому П. Струве, начиная со своего конца, доходить—таки до „Святой Руси“, хотя мы всѣ знаемъ, какъ мало дѣла уважаемому профессору до чьей бы то ни было святости. По этому же самому, съ противоположнаго конца идя, доходятъ и „москвичи“—Эрнъ, Булгаковъ и другіе—до Струве. Палка одна...

Тутъ дѣло не въ религіи „вообще“, а слѣдовательно и не только въ религіи. Съ обще-религиозной точки зрѣнія, Франкъ напримѣръ въ своемъ спокойно-объективномъ, „исключающемъ всѣ партійные, публицистическіе и философскіе споры“, возраженіи называетъ построения „москвичей“ „кощунственными“ (стр. 129, „Р. М.“, декабрь). Правъ или не правъ Франкъ—мы въ это входить не станемъ сейчасъ, потому что мы вообще не судимъ, а только отмѣчаемъ и изслѣдуемъ.

Опредѣлить же самую суть, стержень, на которомъ держался построеніе „москвичей“, можно, лишь взявъ этотъ стержень въ обнаженномъ и цѣльномъ видѣ. Именно таковъ онъ у

послѣдняго „москвича“,—Сергѣя Соловьева. Соловьева нѣтъ въ „Русск. М.“, его не было на знаменитомъ собраніи „Московского Р. Ф. О-ва“, гдѣ прочтены были рѣчи остальныхъ „москвичей“. Но онъ чигалъ въ другихъ мѣстахъ, онъ выпустилъ брошюру „Къ войнѣ съ Германіей“, его взгляды кристально-чисты; за эту чистоту, за суровую честность словъ, за то, что главнаго стержня онъ не обматываетъ никакими индивидуально-цвѣтными нитками,—за это и не долюбиваютъ его, и сторонятся отъ него, гибкіе, слегка трусливые „москвичи“.

С. Соловьевъ въ высшей степени честенъ предъ самимъ собой; онъ презираетъ всякія разматыванія, наматыванія, заматыванія, всякое вяляніе, всякое либеральничанье,—словомъ, всякое приспособленіе къ чему нибудь, потаканіе, попустительство ради личныя настроенія, свойствъ, склонностей и вкусовъ. То, что онъ говоритъ,—стройно, цѣльно и сильно, хотя очень старо и всѣмъ извѣстно. Въ цѣльности всегда своя сила.

Соловьевъ беретъ: вѣру, церковь православную (во всей ея суровой, неизмѣняемой полнотѣ), Бѣлаго Царя (опять во всей православной полнотѣ) и Святую, именно Святую Русь, какъ единую „наслѣдницу Византіи, которая была столбомъ правильного вѣроученія“. Изъ этихъ трехъ открытыя пріятія съ волшебной послѣдовательностью вытекаютъ всѣ положенія С. Соловьева, всѣ, до одного, его слова. Онъ съ правомъ говорить и о дняхъ Дм. Донского, и о „гробахъ Сергія и Гермодена“, и о Царь-градѣ, и о верховной мощи и призваніи Россіи, съ правомъ пишетъ „На взятіе Львова“:

«Ты все ждалъ, чтобъ изъ-за Збручи
Подошли къ тебѣ, какъ тучи,
Рати Бѣлаго Царя...»

да соберется весь русскій народъ

«Подъ стягъ державный
Звономъ Пасхи православной...»

И конечно „Вильгельмъ, это — Навуходносоръ“, и конечно—„намъ нельзя было дышать отъ нѣмцевъ, мы не могли молиться... созидать свою культуру, такъ роскошно расцвѣтшую въ XVII столѣтіи“, и конечно — „теперь переламывается русская исторія“...

Повторяю, логически-строгая и чистая красота построеній Соловьева принуждаетъ меня поставить его головой выше всѣхъ другихъ „москвичей“. Булгаковъ въ концѣ своихъ „Русскихъ Думъ“ приходитъ къ тѣмъ же точно словамъ-выводамъ, какъ и Соловьевъ, точь-въ-точь: „Россія — сверхкультура и сверхгосударственность, апокалиптическая теократія Бѣлаго Царя“... и т. п., однако соловьевскихъ предпосылокъ онъ не дѣлаетъ, а лепечетъ вначалѣ что-то о капитализмѣ. Скромныя предостереженія отъ „излишняго націона-

лизма“ у Трубецкого, путанныя „хорошія слова“ Рачинскаго, таинственные глаголы Вяч. Иванова о „тайствѣ“, о „вселенскомъ дѣлѣ“ войны, все это—нитки разноцвѣтныя, мазанье, попустительство, между тѣмъ суть дѣла сама по себѣ такова, что требуетъ строгости, опредѣленности, суровой обнаженности отъ всякихъ чуждыхъ украшеній. Достоевскій ничего не замазывалъ; Конст. Леонтьевъ не болталъ о національ-либерализмѣ, а шелъ до конца. Не сравнивая значенія личностей, скажу, что и Соловьевъ,—одинъ,—идеть до конца такъ же смѣло, такъ же праведно.

Что касается П. В. Струве, то я пожалуй ошибся, сказавъ, что онъ начинаетъ съ другого конца. Съ другой стороны, но не съ конца, а со *средины*. И соответственно останавливается; далѣе „Святой Руси“ (въ очень поверхностномъ понятіи) не идетъ. Конечно и это для него много. Мы слишкомъ хорошо помнимъ, что П. В. Струве, если и признаетъ религію, то какъ дѣло чисто-индивидуальное, *privat-sache*. Церковь же признаетъ онъ лишь „обывательскую“, по его выраженію. Теперь онъ дошелъ до святости. Но не отвернется ли Соловьевъ отъ струвьевской „Святой Руси“, „правду“ которой Струве хочетъ подпирать „силой“ Всероссийской Имперіи? Струве-то искренне думаетъ, что „правда“ можетъ „возобладать“, только если выдрить ее „силой“, но не одинъ Соловьевъ, пожалуй и Булгаковъ остановится предъ такимъ „идеаломъ“. А Струве именно какъ идеаль святости предлагаетъ намъ взаимопомощь „правды“ и „силы“.

Если мы выдѣлимъ Струве, вообще представителя *срединости*, то группа „москвичей“, о статьяхъ которыхъ мы говоримъ, представится намъ очень ясно; это — люди, разнообразно одаренные, разные по личнымъ склонностямъ, слабостямъ, біографическимъ привычкамъ, но сплоченные единостью ясною, и по существу не терпящей компромиссовъ, идеологіей. Они съ малодушіемъ (невольнымъ?) прячутъ ее, покрывая словами,—эстетическими, этическими, либеральными, какія кому ближе. Но слова отстаютъ отъ нея; нѣтъ нѣтъ—она мелькнетъ, только искаженная, обезсиленная—бездѣйственная.

Соловьевъ обнажилъ ея первичные устои, взявъ ее во всей полнотѣ, со всѣми концами и началами. Онъ за нее отвѣчаетъ.

А „москвичи“? Пока они не соберутся съ силами и съ духомъ, не примутъ отвѣтственности за собственную идеологию, они такъ и останутся просто „москвичами“, просто людьми, по-разному талантливыми, которые что-то говорятъ—не то разное, не то общее; чего-то хотятъ—не то хорошаго, не то худого; а, можетъ быть, и ничего не хотятъ, и все это—такъ, одни безответственныя словеса „подъ настроеніемъ“.

Антонъ Крайній.

Н. П. Альтманъ. Брюгге. Мостъ Поромель.

Н. П. Альтманъ. Брюгге. Входъ въ Монастырь бегиннокъ.

СЕРГѢЙ АУСЛЕНДЕРЪ.

СОЦЪ ФЛОРЕНЦІИ.

(Изъ дневника.)

Совершая свадебное путешествие, приѣхали мы во Флоренцію.

Въ покинутомъ нами Петроградѣ весна еще едва-едва давала себя чувствовать, возбуждая протцеорѣчивыя мнѣнія:

— Мамочка, весной пахнетъ,—восторженно сообщаютъ дѣти.

— Что вы, еще совсѣмъ зима,—возражаютъ родители.

Нѣтъ, не «совсѣмъ зима»! Взгляните на Лѣвній садъ, что весь ожилъ, точно подъ ударомъ волшебной палочки, и зазвенѣтъ тысячью воробьиныхъ голосовъ, взгляните

на посинѣвшую Неву, вдохните прохладный, сырой весенней сыростью вѣтерокъ. Такъ думала и я и, надѣвая легкій весенній костюмчикъ, увѣрила всѣхъ, что «тепло». Но «тепло» не было еще и въ Венеціи, куда проѣхали мы черезъ Берлинъ и Мюнхенъ. Стояла промозглая сырость, съ каналовъ подымался вонючій туманъ. Но намъ съ Костей все нравилось, все казалось особенно привлекательнымъ въ этомъ городѣ-сказкѣ. Мы находили, что и ночи безъ луны, утопающія въ молочно-бѣломъ туманѣ съ декоративно на темномъ небѣ обозначен-

ными кружевами строгіи площади Святого Марка, много оригинальнѣе прославленныхъ «лунныхъ ночей въ Венециі». Однако мы дождались и этихъ лунныхъ ночей и, любовавшись ими вдоволь, уѣхали во Флоренцію.

Чѣмъ глубже проникали мы въ солнечную страну Тосканы, тѣмъ дуцнѣе и пыльнѣе становилось въ выгонѣ. Уже не весна, а богатое лѣто встрѣтило насъ здѣсь.

Совсѣмъ истомленные жаромъ пріѣхали мы часамъ къ пяти (по-итальянски—семнадцати) вечера во Флоренцію. Противъ обыкновенія, рекомендованный друзьями пансіонъ намъ понравился, и мы, не раздумывая долго, поселились въ комнату съ громаднымъ окномъ, выходящимъ на набережную Арно. На противоположной сторонѣ виднѣлось кладбище со статуей Давида, работы Микель-Анджело, которая издали казалась игрушечно-маленькой.

Ужинъ за табльд'отомъ кончался, когда изъ противоположнаго конца зала къ намъ подошелъ какой-то господинъ.

— Мнѣ только сейчасъ сказали, что вы—русскіе, — заговорилъ онъ почти тѣлительно, — и я взялъ на себя смѣлость представиться вамъ.

Мы познакомились. Онъ оказался русскимъ, фамилія Степановъ. Два года онъ провелъ за границей, занимаясь скульптурой.

— Я буду вашимъ гидомъ по Флоренциі, если позволите, — предложилъ онъ.

Отъ него мы узнали, что, кромѣ насъ, русскихъ въ нашемъ пансіонѣ нѣтъ, а об-

щество изобилуетъ пожилыми англичанками и нѣмецкими супружествами.

Послѣ обѣда онъ повелъ насъ по городу. Арно поблескивалъ, Санъ-Минато на противоположномъ берегу свѣгился рядомъ фонарей. Понте Веккю казался чудовищнымъ звѣремъ, взвившимся надъ спокойной рѣчкой. Мы прошли по темной колоннадѣ мимо галереи Уффици и вышли на освѣщенную площадь.

Въ кафѣ играла музыка. Нашъ новый знакомый пытался показать намъ какія-то статуи на каменной площадкѣ подъ навѣсомъ, но меня тянуло на свѣтъ, къ людямъ, и мы направились внизъ по улицѣ Calzajoli. Несся гулъ итальянской рѣчи. Гортанный и некрасивый говоръ Венециі здѣсь звучалъ нѣжно и поэтично. Пахло розами, и мечтательные итальянцы, вдругъ потерявшие свою венеціанскую развязность, казались мнѣ призраками какого-то оживленнаго волшебными чарами сказочнаго царства.

Дома, то есть въ пансіонѣ, насъ встрѣтилъ сюрпризъ. Подъ окномъ на набережной Арно пѣлъ серенаду бродячій музыкантъ. Поговоривъ о томъ, сколько дивныхъ голосовъ (особенно въ Италиі) пропадаетъ въ безвѣстности, мы разошлись по своимъ комнатамъ.

И, уже лежа въ постели, закрывая глаза отъ усталости, я все еще слышала сладкій голосъ пѣвца и единственное понятное мнѣ итальянское слово; безпрестанно имъ повторяемое: «Амог, амог»...

Н. П. Альтманъ. Брюгге. Церковь въ Монастырѣ бегиннокъ.

Въ санитарномъ поздѣ.

Раннимъ утромъ непривычный шумъ за окномъ разбудилъ меня. Усталая, я прятала голову подъ подушку, стараясь забыться, но трамвай съ грохотомъ влеталъ, казалось, въ самую комнату, и я вся вздрагивала отъ неожиданности и испуга.

Костя проснулся тоже.

— Чертъ знаетъ, что такое, — ругался онъ, — вотъ тебѣ и окно на Арно.

Заснуть не было никакой возможности, и мы провалялись разговаривая, пока не началась утренняя жизнь отеля. Зашмыгали горничныя вдоль корридора, закрипѣли двери.

Въ столовой насъ уже ждалъ Степановъ.

— Во Флоренціи всѣ поднимаются рано. Да и шумно, нельзя дома спать, — сказалъ онъ.

Я не выспалась, не отдохнула. Въ головѣ стоялъ легкій туманъ, и я съ трудомъ вникала въ смыслъ объясненій, которыя давалъ намъ Степановъ въ галереѣ Уффици. А онъ говорилъ, говорилъ съ упоеніемъ, какъ о живыхъ еще и близкихъ ему людяхъ, о Ботичелли, Филлиппо Липпи, но горячѣе всего о Микель-Анджело. Онъ хотѣлъ, чтобы и мы полюбили его.

— Я покажу вамъ его скульптуры, гробницы Медичи, Давида, — говорилъ онъ. — А вотъ взгляните на эту его картину (онъ подвелъ насъ къ «Святому Семейству» Микель-Анджело). Какія тѣла! Ихъ упругость почти осязаешь.

Я чувствовала непреодолимую потребность въ отдыхѣ.

— Я посижу здѣсь, — сказала я, — посмотрю еще хорошенько «Святое Семейство», а вы идите дальше, потомъ придете за мной.

Скульпторъ былъ очень доволенъ и, подставляя мнѣ стулъ, говорилъ, что я понимаю толкъ въ картинахъ, если мнѣ нравится Микель-Анджело.

Наконецъ я осталась одна. Все поплыло въ голубоватой дымкѣ тумана. Запрокинутое лицо Маріи вдругъ стало приближаться къ лицу Іосифа. Я шире открыла глаза, чтобы отогнать дремоту.

— Какъ странно видѣть васъ, сударыня, передъ этой картиной, — вдругъ раздался за моей спиной незнакомый мужской голосъ.

Я оглянулась. Некрасивое, чѣмъ-то даже страшное лицо, курчавые волосы, борода... Темная, неяснаго покроя одежда...

Французскій с

— Васъ было бы понятнѣ видѣть въ другомъ залѣ, вы такъ похожи на его картины,—продолжалъ незнакомецъ, неприятно пристально глядя на меня.

— На чьи картины, сударь? — спросила я, готовая уйти и сухостью тона полагая прервать разговоръ.

— О, какъ вы горды,—съ насмѣшливой злостью продолжалъ мой собесѣдникъ.— Какъ вы горды! Но если бы вы хоть разъ пристальнѣ взглянули на эти картины, на эти скульптуры... Развѣ вашъ щенокъ можетъ равняться съ Анджели!

Тутъ я поняла. Да это просто—Степановъ, нашъ знакомый скульпторъ. Вѣрно я очень устала, если перестала узнавать людей. Я провела рукой по лицу.

— Не сердитесь, — я говорила кротко, я немного устала и плохо разбираюсь. Но я охотно посмотрю скульптуры...

— Пойдемте, — радостно отвѣтилъ онъ, и мы пошли черезъ рядъ залъ, со стѣнъ которыхъ улыбались грѣшно-невинныя мадонны Боттичелли, по длинному корридору къ выходу.

— Вы не знаете, гдѣ Костя? — спросила

я Степанова, но, не слыша отвѣта, какъ-то забылась и дала себя вывести на улицу.

Солнце свѣтило, какъ пламя, прямо въ глаза. Туманъ въ головѣ все усиливался, и душу охватывало безволие. Мы шли и шли и наконецъ оказались въ широкомъ корридорѣ. Въ концѣ его возвышалась исполинская, чудовищная статуя.

— Вотъ, — подводя меня къ подножію ея, сказалъ мой спутникъ,—вотъ, смотри, пади ницъ, молись, молись Давиду.

Я подняла глаза. Исполинская фигура, казалось, смотрѣла на меня, хотя глаза ея были устремлены въ пространство, гигантская рука, поднятая къ плечу, внушала ужасъ. Я взглянула на своего спутника и не узнала его. Какъ могла я принять его за Степанова? Въ первый разъ вижу я эту бороду, эту одежду, эти скорбные и ядовитые въ одно и то же время глаза. Страхъ, страхъ, граничащій съ ужасомъ, охватилъ меня. Я чувствовала, что страшный человекъ не отпустить меня, что отъ него могу избавиться я только хитростью.

— Я преклоняюсь предъ Давидомъ,— сказала я кротко,—но я устала. Уведи меня.

и военные обозы.

— Да, пойдёмъ. Я покажу тебѣ гробницы королей. О, ты ничего не видѣла, равнаго этому. А потомъ ты уѣдешь со мною въ Римъ.

Мы снова шли по ряду улицъ, наконецъ остановились предъ небольшою бѣлою церковью.

— Подожди, я пойду узнаю, можно ли пройти,—сказалъ мой спутникъ.

Не успѣла захлопнуться за нимъ тяжелая дверь, какъ я повернувшись бросилась бѣжать по улицѣ. Страхъ вязалъ мнѣ ноги. Казалось, модная узкая юбка не даетъ сдѣлать свободного шага. Странное безлюдіе царило на улицахъ. Только на углу стоялъ продавецъ страусовыхъ перьевъ, и яркій оранжевый цвѣтъ на минуту рѣзнулъ зрѣніе. Я бѣжала безъ остановки, не отдавая себѣ яснаго отчета, куда и зачѣмъ. Но шаги мои были увѣрены, когда я вбѣжала въ чѣмъ-то знакомый мнѣ подъѣздъ. Дверь открылась, и я оказалась въ объятіяхъ моего Кости. Никогда онъ не былъ еще такъ нѣженъ со мной. На немъ были красивый малиновый, изъ шелка и бархата, необычайно сшитый костюмъ и шляпа съ оранжевымъ страусовымъ перомъ.

— Ахъ, я сейчасъ видѣла у продавца точно такое же перо,—смѣясь и мигомъ забывая всѣ свои страхи, сказала я.

Костя смѣялся вмѣстѣ со мной, а потомъ подвелъ меня къ большому полотну, вѣшанному въ деревянную раму.

— Посмотри.

На картинѣ была изображена я, я сама, но почему-то въ монашескомъ облаченіи, въ клобукѣ. Гдѣ, гдѣ видѣла я и эту картину, и эту комнату, и... вдругъ съ грохотомъ распахнулась наружная дверь, и вошелъ, вошелъ опять тотъ, тотъ, который, помнила я, увелъ меня изъ галлерей Уффици.

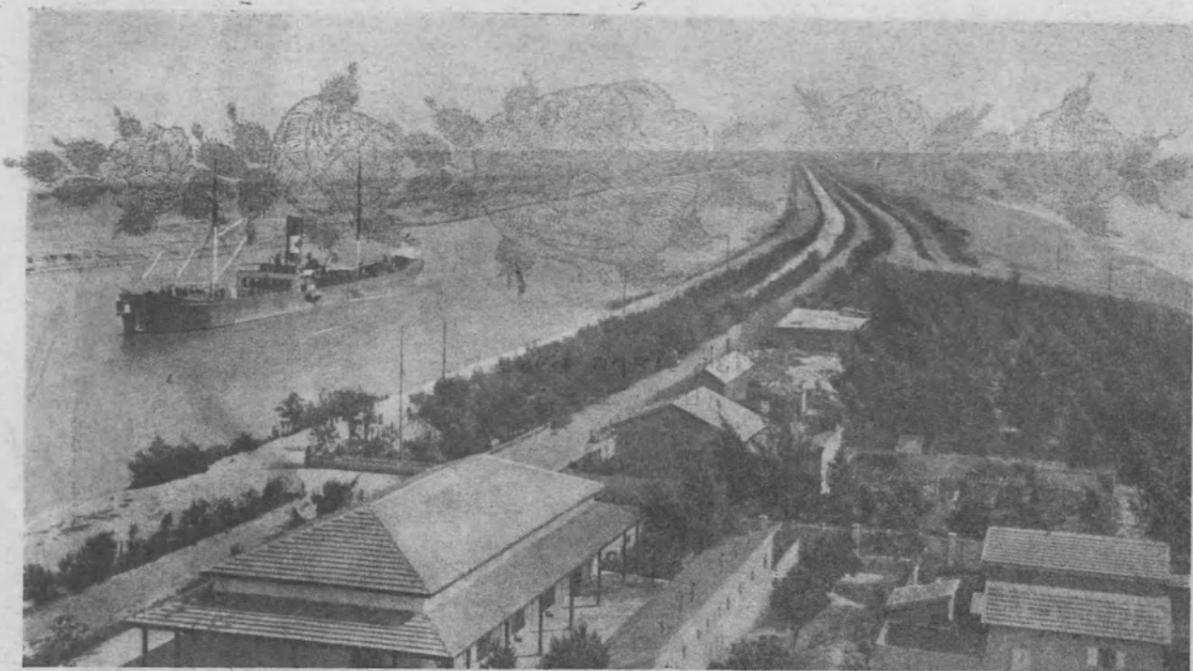
— О, мнѣ нетрудно было найти ее!—онъ злобно расхохотался,—мнѣ нетрудно было найти ее! О, бездарные, жалкіе, слабые людишки, какъ презираю я васъ. Вамъ никогда не подняться до генія.

— Не ты ли этотъ геній?—вдругъ запальчиво крикнулъ Костя.

— Да, я—геній,—отвѣтилъ пришедшій,—я—геній, а ты—жалкое ничтожество.

Его глаза горѣли кровью, пѣна выступила у губъ.

Онъ не успѣлъ досказать своихъ оскорб-

Суэцкій каналъ.

лений, Костя былъ подлѣ него, и я видѣла только поднятую костину руку, кровь, брызнувшую изъ разбитаго лица незнакомца, тяжкій стонъ его, грохотъ, а потомъ все слилось и исчезло въ туманѣ. Вѣрно я лишилась чувствъ.

И такъ странно, безъ всякаго перехода, оказалась я подъ руку съ Костей снова въ галереѣ Уффици. Снова улыбались со стѣнъ мадонны, Св. Севастьянъ скорбные глаза вздымалъ къ небу...

— А вотъ Микель-Анджело, — сказалъ Костя.

Съ ужасомъ взглядываю я на портретъ, а потомъ перевожу глаза на своего спутника. Ахъ, это—не Костя, не онъ, не его это курчавые волосы, бородка, проломленный (Боже мой, къмъ?) носъ, скорбные, злые гла-

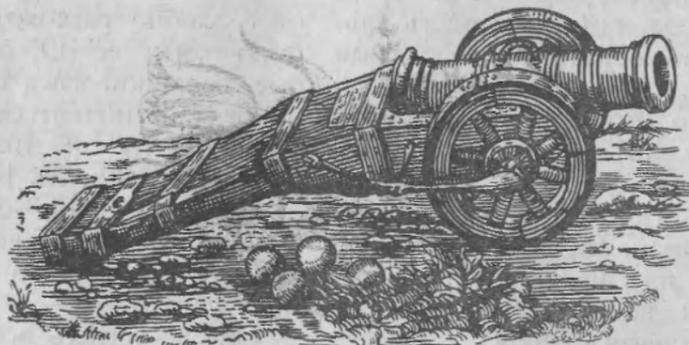
за. Я вскрикиваю громко, дико, не узнавая своего голоса, и въ ужасѣ закрываю глаза.

Кругомъ суета, кто-то подноситъ мнѣ къ лицу флаконъ съ солью, слышатся встревоженные голоса.

Я открываю глаза. Предо мной на стѣнѣ картина «Святое Семейство» Микель-Анджело ко мнѣ заботливо склонился Костя. Онъ въ пиджакѣ, и нѣтъ на немъ шляпы съ оранжевымъ перомъ. Нѣтъ странной одежды и на скульпторѣ Степановѣ, который подаетъ мнѣ стаканъ съ водой и взволнованнымъ голосомъ проситъ успокоиться.

Онъ ничуть не похожъ на того страшнаго съ курчавой бородкой, проломленнымъ носомъ и скорбными глазами, на творца великаго и страшнаго Давида.

Сергій Ауслендеръ.

I.

Изъ Анри Бэка.

(Henry Beck.)

Мы несчастны глубоко
И въ душѣ одинокой
Вѣчно грезимъ о вѣчной любви
Съ милой женщиной, другомъ, дѣтьми.
Ради узъ нерушимыхъ
Мы несемъ отъ любимыхъ
Много горькихъ, неправыхъ обидъ—
И забвенью имъ сердце дарить.
Но напрасно! Безъ бою
Наше счастье судьбою
Будеть все опрокинуто въ мракъ,
И душа безъ отвѣта
Унесется со свѣта,
А изъ прака родится червякъ.

II.

Безсиліе *).

(Съ французскаго.)

Подумать! Я могу порвать завѣсу ночи,
Ее избороздивъ прорѣхами огня,
И, стоя на спинѣ дощатаго коня,
Носиться между волнъ въ разгаръ ихъ буйной мочи;

И неба страшнаго извѣдать уголки
Подъ взоромъ вдумчивымъ безсонныхъ наблюдений;
И звѣзды заключить въ предѣлы вычислений,
Какъ подъ тяжелые и вѣрные замки.

Подумать, что и тѣ великія побѣды
Ничтожны для меня. Смѣнивъ, что знали дѣды,
Загадки новыя поставить я могу
И всѣ ихъ разрѣшить подобно чародѣю.
И Знаніе кипитъ, кипитъ въ моемъ мозгу...
А тайнъ своей души постигнуть не умѣю.

С. Андреевскіи.

*) Не припомню имени автора, потому что подлинникъ, переписанный покойнымъ Урусовымъ и присланный мнѣ въ письмѣ, затерялся вмѣстѣ съ письмомъ, а переводъ остался въ тетради.

С. А.

Француженка раздает подарки ситаямъ.

Въ санитарномъ поезде.

Русскій питательный пунктъ.

Ю. СЛОНИМСКАЯ.

КАПИТОША СТАЛЪ АНТРЕПРЕНЕРОМЪ.

(Театральная быль.)

У Островскаго есть купеческии сынокъ Капитоша, неудавшійся по коммерческой части, но зато умбющи „кричать по-театральному“. Родители держатъ его на кухнѣ, и только дебелия матушка изрѣдка утѣшается на него, заставляя „представлять, какъ на кятрахъ“. Теперешние Кить Китычи стали гораздо гуманнѣе. Они не держатъ своихъ театральныхъ сынковъ на кухнѣ и давно поняли, что гораздо дешевле, если ихъ Капитоши, по мѣткому выраженію одного московскаго театралла, „бьютъ Ибсена, а не зеркала“. Кить Китычи примирились съ Капитошами. Въ замусленныхъ

менной литературѣ. И капитошины театры часто считаются передовыми. Когда дѣгомъ Капитоша и жена его Матреша рассказываютъ тятенькѣ, какіе къ нимъ знатные люди ходятъ, матушка украдкой утираетъ слезы отъ радости за капитошино счастье.

Актеры, художники, драматурги и режиссеры, отдавая свои силы и вдохновеніе капитошному театру, искренне считаютъ себя идейными товарищами Капитоши, создателями новаго художественнаго дѣла. А замуеленный палецъ Кить Китыча отмѣчаетъ гдѣ нибудь въ Саратовѣ: выдано прихле-

Реквизиція скота германцами.

лабазныхъ книгахъ появилась новая статья расхода—кятральныя глупости Капитошки, а въ графѣ жалованій, среди имей Гордѣя-вора и Митьки-подлеца, стали попадаться имена извѣстныхъ художниковъ и артистовъ. вмѣстѣ съ пудами муки стали записываться пуды закупаемаго искусства. Капитоша сталъ антрепренеромъ.

Большинство россійскихъ театровъ держатъ Капитоши, и этимъ объясняются многія неожиданности репертуара и постановокъ. Капитоши хотя и не очень смѣлы въ грамотѣ, но директорскій кабинетъ умбюетъ обставить прилично и въ разговорѣ съ писателями могутъ запустить слово о совре-

бателямъ и фанфаронамъ на капитошино увеселеніе столько-то.

Случай раскрылъ одау изъ такихъ актерскихъ иллюзий. Капитошу призвали въ армию. Въ личныхъ хлопотахъ Капитоша забылъ извѣстить „идейныхъ“ своихъ товарищей о прекращеніи дѣла. Къ назначенному дню изъ провинціи потянулись актеры съ семьями и стали приходить въ контору за обычнымъ осеннимъ авансомъ и за расписаніемъ репетиціи. Ихъ встрѣчали веселымъ недоумѣніемъ. Никто не имѣлъ вѣстей о Капитошѣ. На всѣ запросы и молящія письма съ просьбой разъяснить положеніе и сообщить, бу-

Сторожевой постъ въ Сербии.

дѣть ли продолжаться дѣло, Капитоша и лабазъ отвѣчали молчаніемъ. Матреша, правда, получила письмо отъ Капитоши, но въ немъ были только распоряженія насчетъ квартиры, указаніе, куда спрятать артиллерию, и точное наставленіе, какъ беречь любимыхъ собакъ. О театрѣ и объ актеряхъ не упоминалось. Актеры приуныли. Даже Театральное общество не могло разяснить имъ, состоятъ ли они на службѣ, или нѣтъ, такъ какъ force majeure не была объявлена. Лабазъ помѣстилъ объявленіе въ газетахъ, прося не беспокоить его дѣлами театра, къ которому фирма никакого касательства не имѣетъ. О капитошиномъ театрѣ стали ходить разнообразныя, самыя фантастическія слухи: будто Капитоша вернется по болѣзни, будто онъ поручилъ дѣло одному изъ видныхъ театраловъ, будто лабазъ рѣшилъ тайно субсидировать дѣло! Объ ангажементѣхъ думать было поздно, и большинство актеровъ осталось безъ дѣла. На „товарища“ однако не жаловались, понимая, что ему теперь „не до нихъ“.

Но лабазъ не дремалъ. Характеръ Китъ Китыча извѣстенъ. Если его не бьютъ, онъ ударитъ; если съ него не ищутъ убытковъ за потерянный сезонъ, онъ позоветъ стряпчаго побойчѣй и сочинитъ такое прошеніе, чтобы всѣхъ „прямо въ Сибирь“. Видя, что актерская шантрапа мол-

чить и „не смѣетъ“, Китъ Китычъ отмѣтилъ жирнымъ перстомъ: взыскать. А стряпчій сейчасъ же сочинилъ и разослалъ требованіе „озаботиться немедленной высылкой полученнаго весной аванса“. Такъ появились на свѣтъ письма, разосланныя однимъ крупнымъ провинціальнымъ лабазомъ всѣмъ актерамъ, режиссерамъ, художникамъ и мелкимъ служащимъ одного театра. Обнаружилась и „довѣренность уномянутаго брата“ и самое близкое касательство фирмы къ дѣламъ театра. Капитоша, поручивъ лабазу раздѣляться съ прежними своими товарищами, молчить. А „товарищи“ недоумѣваютъ: развѣ можно взыскивать авансы, если сезонъ потерявъ по винѣ антрепренера, не объявившаго вовремя force majeure?

Въ этой случайной исторіи съ очаровательной непосредственностью раскрылся подлинный обликъ милыхъ Капитошъ, владѣющихъ судьбами русскихъ актеровъ. Лабазъ, обычно скрывающійся за „художественными“ постановками, выступилъ на первый планъ. И стало ясно, каково истинное отношеніе Капитошъ-антрепренеровъ къ искусству и къ талантамъ своихъ сотрудниковъ. Одинъ лабазный театръ случайно раскрылъ свою настоящую душу, но сколько ихъ еще осталось на Руси?

Ю. Слонимская.

И. К. Рерихъ.

Костюмы къ оперѣ «Принцесса Малень».

А. СУМАРКОВЪ.

БОЛЬШАЯ НЕПРІЯТНОСТЬ ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

(Русская литература XX вѣка, подъ редакціей проф. С. А. Венгерова, изд. т-ва «Миръ», Москва.)

Основныя свойства всѣхъ историко-литературныхъ и критическихъ писаній проф. Венгерова: теоретическая безпомощность съ одной стороны и поразительная производительность—съ другой. Поэтому у него нѣтъ никакихъ аналитическихъ работъ, какія были у такихъ же знаменитыхъ, какъ и онъ, ученыхъ—Буслаева или Веселовскаго, но за то онъ издалъ множество неоконченныхъ словарей, написалъ немало и оригинальныхъ критическихъ монографій, редактировалъ и Пушкина, и Мольера, и Шекспира. Приэтомъ трудолюбивый преемникъ своихъ славныхъ предшественниковъ отличается отъ нихъ такой лихорадочной жаждой истины, что, не оканчивая одной работы, постоянно бсрется за другую, новую. Не успѣвъ доказать, что Пушкинская «лѣтопись» должна называться не шутовскимъ именемъ «Горюхина», а скорбно-гражданскимъ «Горюхина», уже спѣшитъ доказать не менѣе неопровержимо, что великій провидецъ русскаго бытія, Гоголь, «совершенно не зналъ русской дѣйствительности» такъ, какъ хотѣлось бы этого честному послѣдователю Писарева. Теперь отъ этого послѣдняго доказательства проф. Венгерова рѣшилъ перейти къ редакціи трехтомной исторіи русской литературы XX вѣка. Хотя новый вѣкъ только что начался, но—что подѣлаешь?—Отзывчивому профессору не терпится. Пора! Не то, тогд гляди, наступитъ слѣдующій XXI вѣкъ; до этого проф. Венгерова къ сожалѣнію не дожить. Но кончится война—у Брокгауза начнутъ издавать

Данте или Лермонтова, и кому же редактировать ихъ, какъ не Венгерова?

Новое литературное предпріятіе нашего извѣстнаго ученаго отличается отъ другихъ его работъ тѣмъ, что оно самое безпомощное изъ всѣхъ. И понятно: человекъ берется за то, что онъ не любитъ и чего не понимаетъ.

Если можно представить себѣ двѣ вещи, самыя невяжущіяся другъ съ другомъ, другъ другу до конца противоположныя—это проф. Венгерова и художественная литература, проф. Венгерова и декадентство или символизмъ.

Однако Венгерова на этотъ разъ редактируетъ именно исторію символизма. Какъ быть? Судьба ученаго—невеселая: хочешь—не хочешь, «изслѣдуй!» И вотъ предъ нами цѣлое издание, уже третій выпускъ, а впереди—еще конечно не менѣе десяти.

Установивъ съ обычной научной смѣлостью (вспомнимъ «Горюхино!») совершенно новую мысль, что XX вѣкъ въ литературѣ можно начать счетомъ не съ тривиальнаго 1-го января 1900 года, а раньше, и не съ какого нибудь декабря или ноября 1899 года, а еще раньше, и не болѣе, не менѣе, какъ за десять лѣтъ до того—съ 1890 года (смѣлость изумительная!), онъ выдвигаетъ два положенія. Одно, оправдывающее изданіе формально—«небольшой періодъ (1890—1910 гг.) представляется мнѣ цѣльнымъ и законченнымъ». Здѣсь профессоръ еще удерживается прибавить: «къ счастью», но очень скоро уже не

И. К. Рерихъ.

Костюмы къ оперѣ «Сестра Беатриса».

удерживается, и это то «къ счастью» — основная тема всего изданія, толкающая ко второму положенію, поставленному въ видѣ заданія: «поэтому мнѣ кажется совершенно необходимымъ и на пространствѣ этихъ 20—25 лѣтъ (вникните въ этотъ скромный знакъ высокой научной добросовѣстности!) уловить то единство историко-литературнаго процесса, безъ котораго ходъ литературной жизни становится хаотическимъ нагроможденіемъ случайныхъ явленій». Кто не согласится съ этой безукоризненной истиной, устанавливаемой нашимъ извѣстнымъ ученымъ? Однако веселое «къ счастью» перваго положенія смѣняется теперь унылымъ «къ сожалѣнію». «Къ сожалѣнію» приходится по долгу службы изслѣдовать то, что «къ счастью» прошло.

Большая непріятность, въ цѣлыхъ трехъ томахъ! Исполняя сознаниемъ этого непріятнѣйшаго долга, профессоръ приступаетъ къ программѣ и даетъ перечень предстоящихъ томовъ, изъ котораго сразу выясняется, что «открытія» о Пушкинѣ и Гоголѣ — были только слабые опыты.

Томъ I. Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.

Бальмонтъ... Брюсовъ... Гуревичъ... Какой Гуревичъ? Вы думаете — покойный педагогъ Я. Г. Гуревичъ, директоръ гимназій и издатель «Русской школы»? Ничего подобнаго. Профессору ли Венгерову не знать русской дѣйствительности? Или, можетъ быть, это — Я. Я. Гуревичъ, сынъ, преемникъ отца по «Русской Школѣ»? Еще хуже. Конечно нѣтъ. Рѣчь идетъ о Любови Яковлевнѣ Гуревичъ, издательницѣ «Сѣвернаго Вѣстника».

Остальные «переоцѣнщики» обозначены — наряду съ Мережковскимъ, Добролюбовымъ, Сологубомъ — не менѣе удачно: Вересаевъ, Чириковъ и др. (Другіе!.. Потапенко? Ольга Шапиръ? или самъ Немировичъ-Данченко?..)

Томъ II. Синтетическій модернизмъ (?) и богоискательство.

Послѣ такой всеобъемлющей терминологіи научная свобода полная, букетъ изъ всѣхъ цвѣтотъ: и Лохвицкая (богоискательница?), и Струве (синтетиче-

скій модернизмъ?), и Купринъ («внѣ группъ», навѣрное и то, и другое вмѣстѣ!). За то начинатель богоискательства — Мережковский — среди Лохвицкой и Куприна не названъ. Попасть въ «переоцѣнщики всѣхъ цѣнностей» (см. I томъ) — чего почетнѣе? и довольно.

Томъ III. Спадъ революціонной волны.

Кузьминъ и Ивановъ-Разумникъ, Арцыбашевъ и Овсянко-Куликовский... Зиновьева-Ганибалъ и Горнфельдъ... Этотъ томъ долженъ быть особенно интересенъ. Заранѣе и не поймешь, въ чемъ дѣло? А гдѣ же все-таки Александръ Блокъ? не относится ли онъ къ ХХI-му вѣку?

Непосредственно слѣдующее за программой самое изслѣдование обнаруживаетъ уже безпомощность, не прикрытую никакими общими заголовками.

Легко было сказать — «къ счастью» прошло, а вотъ попробуйте-ка «къ сожалѣнію» установить «единство», да еще «органическое»! «Кажется, и легко на видѣ, а размотришь — просто чертъ возьми!» какъ отозвался Хлестаковъ о неспособныхъ управлять департаментомъ.

«Новыя теченія!» — восклицаетъ профессоръ на второй страницѣ своего изданія, напечатавъ первое изъ двухъ словъ ироническимъ курсивомъ. А вотъ вы объясните, что это такое, если и Бальмонтъ — «новый», и Горькій — «новый», а сходства между ними, кажется, никакого. Или, какъ объяснить, что Минскій сначала былъ «меонистъ», а потомъ сталъ социаль-демократомъ? Мережковский сначала — эстетъ, а потомъ — общественникъ? Брюсовъ — декадентъ, а писалъ частушки? «А тамъ идетъ рядъ всякихъ разновидностей русскаго «модернизма», которыя ни въ какую схему не укладываются». «Каково положеніе, я васъ спрашиваю?» — воскликнулъ бы Хлестаковъ... Одинъ стоитъ «какъ будто въ сторонѣ» (Ремизовъ!), другой при своемъ «эллинизмѣ» тяготеетъ къ «славянизмамъ» (Вяч. Ивановъ). А тутъ еще «какъ-то случилось»... что «мутною волной» разлилась «пакостная порнографія»... Ничего не разберешь. Рѣшительно — «чертъ возьми!» Какъ же быть?

Но пусть читатель не очень пугается и не очень жалѣетъ знаменитаго ученаго, попавшаго въ такое

Н. К. Рерихъ.

Эскизъ декораціи къ оперѣ «Сестра Беатриса»

безвыходное положеніе. Положеніе оказывается не такимъ безвыходнымъ. Во-первыхъ, самъ профессоръ пишетъ только вступительныя статьи, остальное—сотрудники, самые разнообразныя,—нерѣдко еще болѣе безпомощныя, чѣмъ редакторъ, но совершенно не считающіеся ни съ его программой, ни съ тезисами, ни со всѣми его затрудненіями. Пишутъ, что Богъ на душу положитъ, и самое интересное въ изданіи—это конечно автобіографіи самихъ презираемыхъ профессоромъ «модернистовъ». Во-вторыхъ, свою линію профессоръ Венгеровъ все-таки ведетъ и, когда кто нибудь изъ сотрудниковъ выразится слишкомъ сочувственно о комъ нибудь изъ «новыхъ», онъ во вступительныхъ статьяхъ напередъ опровергаетъ доброжелательный взглядъ сотрудника. Въ-третьихъ наконецъ, проф. Венгеровъ, хотя и послѣ нечеловѣческихъ усилій, нашель-таки «органическое единство» для «всякихъ разновидностей русскаго модернизма». Оно опредѣляется давно осточертѣвшимъ и ничего не объясняющимъ словомъ «нео-романтизмъ». Къ чести проф. Венгерова надо сказать, что на этотъ разъ это—не его собственное открытіе, а—какъ онъ

самъ сообщаетъ—заимствовано имъ изъ школьнаго обихода одного университетскаго семинарія по нѣмецкой литературѣ.

По-русски этотъ уже устарѣлый «измъ» передается профессоромъ въ трехъ словахъ: «взлетомъ отъ грязи къ небу». Подумайте, какъ хорошо! и спрашивается, если это такъ, если «новыя теченія» не только текутъ, но прямо «летятъ» отъ грязи къ небу, чего же почтенному ученому и наставнику юношества еще нужно? И наука не въ убыткѣ, и мораль спасена!

Примиривъ съ такой научной тонкостью и З. А. Венгерову съ Кузьминымъ, и Волинскаго съ Л. Я. Гуревичъ, и Булгакова съ Арцыбашевымъ, и пр., и пр., профессору надо было бы самому попытаться «переопѣнить цѣнности». Вѣдь всѣ декаденты и символисты послѣ «нео-романтизма»—оказываются—порядочныя люди. Первые выпуски переиздавать уже само собой, не приходится, но можно въ слѣдующихъ по крайней мѣрѣ отказаться отъ руководящихъ предисловія къ статьямъ сотрудниковъ.

А. Сумароковъ.

Объ искусствахъ и литературѣ.

Вѣсти и мнѣнія.

Анри Бергсонъ и война.

„Смыслъ“ современной войны — одна изъ самыхъ жгучихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудныхъ темъ.

Осмыслить войну надо. Въ обществѣ, растерявшемся отъ внезапности великихъ событий, большой спросъ на разумное освѣщеніе катастрофы.

Поэтому недавно появившаяся въ печати ясная и продуманная рѣчь французскаго философа Анри Бергсона производить особенно отрадное впечатлѣніе.

Пропишетъ онъ ее на годичномъ собраніи парижской академіи моральныхъ и политическихъ наукъ.

Надо замѣтить, что Анри Бергсонъ — одинъ изъ самыхъ яркихъ мыслителей современной Франціи, вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпный ораторъ. Свѣжій, бодрый, сухонькій, въ застегнутомъ сюртукѣ, съ красной ленточкой въ петлицѣ, Бергсонъ говоритъ безъ пафоса, безъ „нотра“. Коротко подстриженные волосы, сѣдые усы дѣлаютъ его похожимъ на оставшаго военнаго. Рѣчь его соотвѣтствуетъ этому облику. Она вся въ предѣлахъ „военной“ дисциплины, спокойная, эпическая. Говоритъ онъ съ идеальнымъ произношеніемъ, какъ-то особенно музыкально, всегда образно и четко, никакихъ умалчиваній, прямые отвѣты на прямые вопросы, часто отговаривается незнаніемъ. Не изъ „политиканства“, а по старой привычкѣ говоритъ только то, что взвѣшено и продумано.

Послѣдняя рѣчь Бергсона посвящена войнѣ, но въ ней нѣтъ излишней „злободневности“, потому-то вся она непосредственно вытекаетъ изъ его давно выношенной философіи.

Въ своей наиболѣе популярной книгѣ, „Эволюція творчества“, Бергсонъ говоритъ, что человѣчество надо обозначать не какъ „*homo sapiens*“, а какъ *homo-faber*, т. е. человѣкъ-ремесленникъ.

Чтобы живой организмъ не погибалъ, природа ему дала различныя средства. Животное одарено, такъ сказать, органическими инструментами. Они очень сложны по организаціи и очень просты по дѣйствию. У человѣка эти инструменты гораздо менѣе совершенны, чѣмъ у животныхъ, онъ вынужденъ обращаться къ инструментамъ искусственнымъ. Самая физическая его слабость свидѣтельствуетъ о томъ до-историческомъ моментѣ, когда ему пришлось разстаться съ инстинктомъ и искать спасенія въ интеллектѣ. Природа нашла для человѣка другое средство, помимо инстинкта, чтобы обезпечить его жизнь. Главное назначеніе интеллекта чисто практическое. Вся наука, все знаніе основаны на этой чисто практической дѣятельности интеллекта, превращающей мертвую матерію въ искусственное орудіе для борьбы за жизнь.

И надо твердо помнить, что интеллектъ — продуктъ жизни, а не ея источникъ. Творческое начало жизни — не въ интеллектѣ, а въ интуиціи.

Девятнадцатый вѣкъ былъ весь пропитанъ идеей, что знаніе должно служить удовлетворенію нашихъ матеріальныхъ потребностей. За какія нибудь пятьдесятъ лѣтъ человѣкъ былъ снабженъ искусственными орудіями куда обильнѣе, нежели за все время, какое онъ провелъ предъ тѣмъ на землѣ. Каждая новая машина была для человѣка новымъ искусственнымъ органомъ, который какъ бы увеличивалъ число органовъ естественныхъ. Человѣческое тѣло внезапно

и чудовишно возрасло, въ то время какъ душа человѣческая не могла столь быстро расширяться, чтобы охватить это новое, искусственное тѣло. Изъ этого нарушения пропорціи возникли новыя проблемы моральныя, социальныя, международныя. Человѣчество стало добиваться восполненія нѣкоей душевной пустоты, стремясь къ достиженію большей свободы, справедливости и братства на землѣ.

Въ то время какъ человѣчество стремилось къ одухотворенію жизни, — говоритъ Бергсонъ въ своей недавней рѣчи, — адскія силы комбинировали опытъ обратнаго порядка.

Этотъ опытъ былъ произведенъ въ империалистской Германіи Гогенполлерновъ, гдѣ самый совершенный военный механизмъ соединился со столь же совершеннымъ механизмомъ административнымъ. Когда же на помощь подоспѣло совершенство технически-промышленное, получилось страшное соединеніе, создалась адская машина, которая и начала дѣйствовать.

Появилась въ мірѣ серьезная угроза. Механическія силы, которыя наука вызвала на служеніе человѣку, грозили превратить самого человѣка въ вещь. Свободное гармоническое развитіе общества грозило замереть въ какомъ-то автоматизмѣ.

Неумолимый законъ жизни требуетъ, чтобы духъ сталкивался съ сопротивленіемъ матеріи, чтобы великіе моральные результаты покупались цѣной крови и слезъ.

На этотъ разъ, — утверждаетъ французскій философъ, — жертва должна принести плоды. Чтобы дать имъ помѣряться съ жизнью, судьба соединила всѣ разнообразныя орудія смерти. И смерть будетъ побѣждена. Человѣчество своимъ матеріальнымъ страданіемъ спасется отъ моральнаго упадка, который былъ бы его концомъ. Народы, радуясь своему избавленію, изъ глубины скорби и разрушенія запоютъ пѣснь свободы. Какъ реальны и вмѣстѣ съ тѣмъ благородны эти простыя мысли въ сравненіи со словеснымъ туманомъ нашихъ „геро-политиковъ“ вроде Вячеслава Иванова и Владимира Эрна, которыхъ не отрезвили даже современные событія.

Д. Ф.

ХРОНИКА.

Изъ состава дирекціи петроградскаго Малаго театра вышелъ г. Пиняковъ, за короткое время своей дѣятельности успѣвшій приобрести извѣстность въ театральныхъ кругахъ. Изъ числа мѣропріятій г. Пинякова наибольшіе толки вызвало внезапное увольненіе предъ началомъ сезона многихъ актеровъ и актрисъ, заключившихъ контракты съ Литературно-художественнымъ обществомъ. Г. Пиняковъ призналъ эти контракты для себя необязательными. Массовое увольненіе актеровъ поздней осенью, когда невозможно прискаты ангажементъ, вызвало вмѣшательство театральнаго общества, успѣха впрочемъ не имѣвшее. Отнынѣ завѣдываніе театромъ всецѣло въ рукахъ главнаго режиссера, Е. П. Карпова. Въ ближайшемъ будущемъ, въ бенефисъ артиста Чубинскаго, предполагается постановка пьесы Бернарда Шоу, «Левъ и Андроклъ».

Присужденіе литературныхъ премій въ этомъ году во Франціи не происходило. Но одна изъ нихъ все же была выдана, причѣмъ присужденіе ея имѣло скорѣй дипломатическій характеръ, чѣмъ литературный. Бельгійскій писатель Луи Дюмонъ-Вильденъ получилъ премию въ 8.000 франковъ имени Лассера, учрежденную министерствомъ народнаго просвѣщенія. Премія была выдана за книгу «L'Esprit européen», одна изъ главъ которой заключаетъ въ себѣ восхваленіе французскаго духа. Авторъ, видный бельгійскій писатель, извѣстенъ, какъ пропагандистъ французской мысли въ Бельгіи. Изъ его произведеній пользуются извѣстностью сборникъ разсказовъ «Les coins de Bruxelles», затѣмъ книга «Belgique illustrée» и сборникъ критическихъ статей «La Revanche des vaincus».

Въ наступающемъ 1915 году исполняется двадцатипятилѣтіе со дня рожденія Ламартина.

1 р. 90 к. без доставки. **Восьмой год издания.** 2 р. 20 к. съ дост. и перес.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

Журналъ вых.ожд. ежемѣсячно въ объемѣ 4—5 печ. лист. (въ 130—140 стр.) Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналѣ будетъ особое вниманіе обращено на: 1) Военно-морской отдѣлъ, вести котораго будетъ проф. Никол. Морской Акад. Н. Л. Кладо, и 2) Отдѣлъ художественный, подъ руководствомъ пом. хран. музеевъ Императорской Акад. Худ. С. К. Исакова. Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями, виньетками и каррикатурами. Для наждаго номера будетъ даваться новая иллюстр. обложка. Журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни. Широко будутъ поставлены отдѣлы: белл. трнстнх., научно-популярн., критич. и художеств.

Подписчики получаютъ по окончаніи войны карту новыхъ границъ европейскихъ государствъ, въ краскахъ.

Пробн. ном. (ноябрь или декабрь) высыл. за двѣ 10-к. марки

Подписная цѣна: съ перес. 2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к.; безъ на годъ—2 р. 20 к., дост. на 1 г.—1 р. 90 к.

Для сельскихъ учителей, священннх., рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 н. при подпискѣ, 80 н. въ 1-му марта и 60 н. въ 1-му июля.

Адресъ для переводовъ: контора и редакция: Петроградъ, Эртелевъ пер. (близъ Жуновской ул.), д. 3. Тел. 107—88. Редакторъ-издат. А. Боане.

„ГЕРМЕСЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВ. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ВѢСТНИКЪ АНТИЧНАГО МІРА.

8-ой годъ изданія. Журналъ выходитъ въ началѣ и срединѣ каждого мѣсяца, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Программа журнала: 1) Библиографія: а) русская и б) иностранная. 2) Археологическая хроника: а) по языку, б) по литературѣ, в) по исторіи, г) по научной и популярной, д) по музыкѣ, е) по искусству, ж) по философіи и римскихъ авторовъ. 3) Статьи по методикѣ и дидактикѣ преподаванія древнихъ языковъ и древней исторіи. 4) Искусство въ школахъ. 5) Вопросы этикетки и отвѣты на нихъ. 6) Хроника. 7) Новая книга. 8) Объявленія. 9) Подписка принимается въ конторѣ журнала „Гермесъ“, Петроградъ, Невский, 32, Канцелярск. мужской гимназій, съ 9 до 5 часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ. № телефона конторы: 418—72, № тел. редакціи, 117—26.

Отвѣтственные редакторы: А. И. Маленинъ и С. О. Цыбульскій. Издатель С. О. Цыбульскій.

ЖУРНАЛЪ НАЧИНАЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ „НА БЕРЕГАХЪ НЕВЫ“.

(Годъ изданія шестой.)

Журналъ предоставляет возможность начинающимъ писателямъ печатать свои произведенія.

Отдѣлы по вопросамъ литературы, театра и искусства. Хроника литературныхъ, театральныхъ и общественныхъ начинаній.

Открыта подписка на 1915 годъ.

24 №№ журнала въ годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 1 г.—2 р., за полгода—1 р. 25 к., отд. № 10 к.

РЕДАКЦІЯ: Петроградъ, Лиговская ул., д. № 44, кв. 123.

Издатель: Литературное Обществ. „Агъ“. Редакторъ: М. Н. Свряковъ.

Открыта подписка на 1915 г. на двухнедѣльный кооперативный журналъ

„Уральское Хозяйство“.

Органъ Екатеринбургскаго союза кредитныхъ и судо-сберегательныхъ товариществъ.

Задача журнала—объединить культурную работу многочисленныхъ кооперативныхъ организаціи Урала и дать населенію практически полезныя свѣдѣнія по вопросамъ кооперации, сельского хозяйства и кустарной промышленности.

Программа журнала: кооперация всѣхъ видовъ въ Россіи и за границей. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО и ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Къ участию въ журналѣ приглашены мѣстные литературныя силы и специалисты по кооперации, сельскому хозяйству и кустарнымъ промысламъ. Журналу общались также свое сотрудничество многие известные общественные и земские дѣятели, ученые агрономы, техники и сельские хозяева.

Подписная цѣна: 3 руб. въ годъ, на 1/2 года—1 руб. 50 к.

Отдѣльный № 15 коп. Подписка принимается въ бюро союза: г. Екатеринбургъ, Уктусская, 36, и во всѣхъ союзныхъ товариществахъ.

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли мюми безвредн. домашнимъ средствомъ. Больш. флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложн. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упаков. Получила массу благодар. со всѣхъ концовъ Россіи. Предл. моему прошу вѣрить, оно ИСПРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская улица, № 11, кв. 87, Мария Егоровна Чурбанова.

ПОРТНЫМЪ высыл. бесплатно **ОБРАЗОВАНИЕ** какъ улучшить свое положеніе. Укажите Вашъ адресъ и адреса своихъ зн. а к о м ѣ н х ѣ. Адресъ: „ПОСРЕДНИКЪ ДЛЯ ПОРТНЫХЪ“, гор. Рига, 752.

Открыта подписка на 1915 годъ на еженедѣльный

„ДѢЛОВАЯ РОССІЯ“.

Органъ защиты отечественной промышленности и торговли, народного труда и хозяйства.

Выходитъ при ближайшемъ участіи В. И. Ковалевскаго и А. Н. Муромцева.

Въ числѣ сотрудниковъ „ДѢЛОВОЙ РОССІИ“: В. Борисовъ, членъ Гос. Думы Вершининъ, П. В. Васильевъ, членъ Гос. Думы С. В. Востротинъ, А. А. Евдокимовъ, Н. Ф. Езерскій, А. К. Жаба, И. И. Зекъ, М. Юхимовичъ, членъ Гос. Думы М. А. Карауловъ, В. И. Ковалевскій, М. П. Кубанскій, проф. Т. В. Локоть, А. Ф. Макаровъ, А. П. Мертваго, А. Михайловъ, Н. А. Муромцевъ, А. А. Никитскій, членъ Гос. Совѣта проф. И. Х. Озеровъ, Л. Л. Орлянкинъ, Н. В. Дризенъ, проф. В. Д. Плетневъ, членъ Гос. Думы Савватвевъ, проф. В. В. Светловскій, проф. М. А. Сириновъ, П. И. Соколовъ, проф. В. Ф. Тотоміанцъ, В. П. Тянь-Шаньскій, М. М. Федоровъ, Г. Г. Фейгинъ, Финансистъ, В. М. Широкогоровъ, В. Шимановскій, Б. Ф. Шлееръ, Ф. А. Щербина, И. П. Ямпольскій и друг.

Редакция и контора: Петроградъ, Вас. Остр., 15 лин., 70. Тел. № 660—57.

Подписная цѣна: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., отдѣльный №—20 коп.

Издательство „ДѢЛОВОЙ РОССІИ“ въ лицѣ Н. А. Муромцева. Редакторъ П. В. Васильевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ (VI годъ изданія) на художественный и литературный журналъ

„АПОЛЛОНЪ“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ПРЕЖНЯ:

На ГОДЪ—10 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу—15 руб. На 1/2 — 6

Разсрочка: 5 руб. при подп., 3 руб. къ 25-му марта, къ 1-му мая—остальное.

Въ 1915 г. (ШЕСТОЙ годъ изданія) художественный и литературный журналъ „АПОЛЛОНЪ“ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля (т. е. 10-ю книжками), при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, съ большимъ количествомъ репродукцій (въ краскахъ, фото и автотипий и др.) произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ, причемъ эти иллюстраціи сопровождаются статьями и представляютъ или творчество отдѣльныхъ мастеровъ, или художественное направленіе, выставку, собраніе предметовъ искусства и т. п. Въ журналѣ помѣщаются также стихи и статьи общаго характера по вопросамъ живописи, эстетика, скульптуры, поэзіи, литературы, театра, музыки, танца, особенно же—статьи, освѣщающія современное искусство въ связи съ художественнымъ наслѣдіемъ прошлаго.

Широко поставленная художественная лѣтнпись „Аполлона“ даетъ современную картину жизни искусства въ Россіи и по возможности за границей. Въ наступающемъ подписномъ году значительно расширяется отдѣлъ посвященный художественной старинѣ. „АПОЛЛОНЪ“ будетъ по возможности откликаться на художественныя событія, связанныя съ великой войной.

Въ розничную продажу поступаетъ самое ограниченное количество экземпляровъ. Отдѣльныя книжки можно получать въ главной конторѣ „Аполлона“ и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Ивановская, 20 (тел. 661-78); конторы: Разъѣжная, 8 (тел. 178-69).

Издатели: С. Н. Мановскій и М. К. Ушиновъ. Редакторъ: Серг. Мановскій.

ЖЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Общественно-научно-литературный ежемѣсячный журналъ. Посвященъ равноправію и улучшенію положенія женщинъ.

Открыта подписка на 1915 г. (11-й годъ изданія).

„Женскій Вѣстникъ“ ведетъ настойчивую агитацію за политическую, гражданскую, экономическую и этическую равноправность женщинъ съ мужчинами. Въ журналѣ помѣщаются статьи о современномъ положеніи женщинъ, о причинахъ, создавшихъ ихъ безправіе, о значеніи послѣдняго для прогресса человѣчества, разсматривается подчиненность женщинъ съ исторической, этической, экономической и биологической точекъ зрѣнія. Обсуждается вопросъ объ образованіи женщинъ и о совмѣстномъ воспитаніи и обученіи обоихъ половъ. Подвергаются критикѣ существующіе законы, касающіеся женщинъ. Сообщаются свѣдѣнія о женскомъ движеніи въ Россіи и за границей и о дѣятельности женскихъ организаціи. Обсуждается вопросъ о борьбѣ съ проституціей. Въ библиографическомъ отдѣлѣ помѣщаются рецензіи о книгахъ и брошюрахъ по женскому вопросу; въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“—отвѣты на вопросы, интересующе читательницъ, а въ отдѣлѣ „Хроника“—самыя разнообразныя извѣстія, касающіяся женщинъ.

Подписная цѣна за годъ (съ января по январь)—3 р., за полгода—1 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ редакціи журнала: Петроградъ, Шпалерная ул., д. 42, кв. 18. Редакторъ-издательница, врачъ М. И. Покровская.

Продолжается подписка на 1914—15 гг. на журналъ

„НАБОРЩИКЪ и ПЕЧАТНЫЙ МІРЬ“.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Первый профессиональный журналъ въ Россіи, издающійся такое продолжительное время.

Подписной годъ съ 1-го марта по 1-е марта 3 руб. въ годъ съ доставкой и перес. Допускается РАЗСРОЧКА. Выписывающіе 3 экземпляра 4-й получаютъ БЕСПЛАТНО.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разослано ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

„КАКЪ СОЗДАВАЛАСЯ КНИГА?“

Составилъ И. Д. ГАЛАКТИОНОВЪ.

Подписка и объявленія принимаются: Петроградъ, Фонтанка, д. 117, кв. 16.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ
съ доставкой и пересыпной въ Россно:

на 12 м.—10 р., 9 м.—8 р. 50 к., 6 м.—5 р. 50 к., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.
ЗА ГРАНИЦУ: 12 м.—20 р., 9 м.—16 р., 6 м.—11 р. 50 к., 3 м.—6 р., 2 м.—4 р., 1 м.—2 р.
Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какаго мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1-му мая и 2 руб. къ 1-му сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самоѣ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.
Народная школа, недостаточные крестьяне, православное духовенство десяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода—4 руб. 50 коп. За переѣму адреса взимается каждыи разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи: МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23; въ ПЕТРОГРАДѢ: въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ: Agence Navas, Place de la Bourne.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петроградѣ производится на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ. Стоимость отд. №№ „Моск. Вѣд.“—5 к. Редакторъ-издатель Б. В. Назаревскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ
(VII-й годъ изданія)
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КОММЕРСАНТЪ“

Издание Аяц. О-ва Изд. и Печ. дѣла «Московское Издательство».
(ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—10 р., на 1/2 г.—6 р., на 1/4 г.—3 р. 50 к.)

„КОММЕРСАНТЪ“ является единственнымъ въ Россіи частнымъ изданіемъ, посвященнымъ интер. торгово-промышленной и финансовой жизни. „КОММЕРСАНТЪ“ располагаетъ обширной сѣтью корреспондент., обслуживающихъ всѣ торгово-промышлен. центры, города и мѣстечки Россіи. „КОММЕРСАНТЪ“ ежедневно помѣщаетъ на своихъ столбцахъ руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ коммерціи, ежедневныя телеграммы отъ собственн. корреспондентовъ о русскихъ и иностранныхъ фондовыхъ котировкахъ, а въ отдѣлѣ товарные рынки—свѣдѣнія о хлопкѣ, льнѣ, коноплѣ, шерсти, хлѣбѣ, рыбѣ, нефти, масличн. продуктахъ и проч., и подробные отчеты о свѣдѣнхъ московскихъ хлопковомъ мануфактурномъ, хлѣбномъ и мясномъ рынкахъ.
„КОММЕРСАНТЪ“ обращаетъ особое внимание на биржевой отдѣлѣ.

Ихъ одно крупное явленіе коммерческаго міра не проходить не отмѣченнымъ на столбц. газеты „КОММЕРСАНТЪ“.

„КОММЕРСАНТЪ“ является необходимымъ спутникомъ и совѣтникомъ всякаго купца, торговца, промышленника, адвоката, финансиста, коммивояжера и вообще дѣльца.

Въ 1915 году редакція „КОММЕРСАНТА“ организуетъ широко поставленный отдѣлѣ:

СПРАВОЧНОЕ БЮРО „КОММЕРСАНТА“

въ которомъ всѣ подписчики „Коммерсанта“ смогутъ получить исчерпывающія свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

- 1) Цѣны на товары, мѣсто ихъ производства и фирмы, ими торгующія (исчерпывающе будетъ обслуженъ мануфактурный рынокъ, центромъ котораго является Москва), стоимость провоза, пошлины и т. д., рынки и условия сбыта, адреса заинтересованныхъ въ данномъ товарѣ лицъ, словомъ, всѣ свѣдѣнія какъ по вопросамъ экспорта, такъ и по вопросамъ внутренняго товарообращенія.
- 2) Постановка какаго либо новаго производства: указанія и планы смѣты и чертежи, проекты и т. п.
- 3) Всевозможныя справки, совѣты и указанія бухгалтерск. и юридическ. характера.

Къ участію въ справочномъ отдѣлѣ привлеченъ рядъ видныхъ, добросовѣстныхъ и авторитетныхъ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ торговли, промышленности и права.

Всѣ новые подписчики „КОММЕРСАНТА“ пользуются дѣятельностью справочнаго отдѣла

БЕЗПЛАТНО

за исключеніемъ особо сложныхъ порученій (составленіе смѣты, проектов, чертежей и т. д., сложная бухгалтерская работа, какъ проверка книгъ, отчетности и т. д., сложные юридическіе совѣты, наведеніе справокъ и т. д.), которыя будутъ выполняться свѣдующими лицами, за особое минимальное вознагражденіе.
Подробныя свѣдѣнія о порядкѣ сношеній со справочнымъ отдѣломъ будутъ опубликованы на страницахъ „КОММЕРСАНТА“.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, „Коммерсантомъ“ издаются „списки прѣзжихъ“ (въ Москву).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ИХЪ: на годъ—20 руб., совместно съ „Коммерсантомъ“—30 руб.

Адресъ: МОСКВА, Б. Дмитрова, 26. Главной Конторѣ „Московское Издательство“.

4 р.
въ годъ
за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
на
1914—15
годъ
(6-й г. изд.)

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большаго формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интелл. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью, какъ периодич., такъ и неперіод., какъ русской, такъ и иностранной. Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболее выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующаго внутреннюю жизнь человѣческаго коллектива. За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 226 ст. по самымъ разн. вопросамъ. Кромѣ того даны: 1) сводъ отзывовъ о 500 книгахъ; 2) перечень около 3000 нов. кн., 3) содерж. болѣе 75 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Трагическія событія современной ВОЙНЫ „Бюлл.“ уделяютъ особенное внимание, стремясь отразить на своихъ стр. все, что усиливаетъ глубину и серьезность переживаемаго момента.

Проспектъ журн. высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ 5 р. Для сельск. учит., при непосредственномъ обращеніи въ контору, на годъ 3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полныя комплекты „Бюлл.“ Цѣна компл. на 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; 1913/14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылаю по вѣсу и разстоянію.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажда. мѣс.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Крандівскій и В. Носеніевъ. ● Редакторъ: В. Крандівскій.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

„Н О В Ъ“

выходитъ при участіи А. Суворина (Аленся Порошина), А. Бороваго, В. Боцяновскаго, Н. Мамонтова, Ф. Купчинскаго, Н. Раевскаго, П. Успенскаго, Н. Туркина и др.

Программа газеты: Давая обильно факты и событія жизни, иллюстрируя ихъ множествомъ рисунковъ, „Новъ“ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и много интереснаго и содержательнаго чтенія. Вопросы духовнаго и физическаго развитія человѣка и оживленія общественнаго почина—для нея на первомъ планѣ. Не только читай, но и дѣлай самъ кругомъ себя, что можешь, гдѣ—одинъ, гдѣ—сообща съ другими—постоянное обращеніе газеты къ своему читателю, и особый отдѣлѣ въ ней посвященъ коопераціи и развитію сообща съ читателями общественныхъ предпріятій на кооперативныхъ основахъ. На область искусства и науки газетою обращено особенное вниманіе и по нимъ постоянно помѣщаются ея обстоятельныя статьи.

Собственные корреспонденты на войнѣ: Н. А. МАМОНТОВЪ, Вл. СЪРОВЪ, корреспондентъ-художникъ М. А. СУГАНОВЪ.

Въ „Н О В И“ будутъ напечатаны:

„За кулисами великой войны“, романъ Г. Бегака изъ современной военно-политической жизни Европы.

Историческій романъ В. Ф. Боцяновскаго „Ворона душъ“, изъ жизни Ек. Ф. Татаринской, известной основательницы „духовнаго союза“ въ Михайловскомъ дворцѣ (время Александра I).

„Граждане неба“, очерки путешествія къ пустыннымъ Кавказскихъ горъ, Николая Раевскаго (со многими рисунками).

„Въ поискахъ чудеснаго“, иллюстрированныя очерки путешествія по Индіи, П. Д. Успенскаго.

Принимается подписка на 1915 годъ.

1 годъ—6 р., 11 м.—5 р. 75 к., 10 м.—5 р. 50 к., 9 м.—5 р. 30 к., 8 м.—4 р. 90 к., 7 м.—4 р. 35 к., 6 м.—3 р. 75 к., 5 м.—3 р. 25 к., 4 м.—2 р. 65 к., 3 м.—2 р., 2 м.—1 р. 35 к., 1 м.—70 к.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Тверская, Мамонтовскій пер., д. № 12.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 г. (34-й г. изд.)

„РЕБУСЪ“ СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЬ

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, мѣдунизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, гипнотизма и спиритизма; изслѣдов. въ области древней и новой мистики: теософія, масонство и т. п. спорные вопросы науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ, выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Отзвыы о новыхъ и старыхъ книгахъ: совѣты, разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ.

Подписная цѣна: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., за границу на годъ—6 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала—Бол. Дорогомил. ул., у Бородинскаго моста, домъ № 3 (телеф. 2-28-93) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.